

DOI: 10.19181/sntp.2026.8.1.14

EDN: FVBUBK

Рецензия

Review

ЗИГЗАГИ НА ПУТИ К ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Е. Т. АРТЁМОВА, Е. Г. ВОДИЧЕВА «НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ УСКОРЕНИЕ: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ “ХРУЩЁВСКОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ”»*

**Долгова
Евгения Андреевна¹**

¹ Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

**Секиринский
Денис Сергеевич¹**

¹ Неаффилированный исследователь, Москва, Россия

Для цитирования: Долгова Е. А., Секиринский Д. С. Зигзаги на пути к технологическому суверенитету. Рецензия на книгу Е. Т. Артёмова, Е. Г. Водичева «Несостоявшееся ускорение: экономическая стратегия “хрущёвского десятилетия”» // Управление наукой: теория и практика. 2026. Т. 8, № 1. С. 244–253. DOI 10.19181/sntp.2026.8.1.14. EDN FVBUBK.

Аннотация. Рецензия представляет собой обзор опубликованной в 2025 г. книги Е. А. Артёмова и Е. Г. Водичева «Несостоявшееся ускорение: экономическая стратегия “хрущёвского десятилетия”». Отмечен максимально возможный в рамках одной монографии охват данных, позволивший авторам предложить комплексное исследование траекторий реформ, оказывающих влияние на структурные экономические процессы, системные обобщения в поиске ответа на вопрос – как после удивительного послевоенного подъёма экономики объяснить затухание темпов экономического роста на рубеже 1950–1960-х гг.? Описание экономических изменений «хрущёвского десятилетия» органично включено в исторический контекст, что позволяет не только оценить эффективность «рывка» экономического ускорения в предельно сжатые исторические сроки, но и оценить их влияние на движение

* Артёмов Е. Т., Водичев Е. Г. Несостоявшееся ускорение: экономическая стратегия «хрущёвского десятилетия» / Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Научный совет РАН по экономической истории. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2025. 288 с. ISBN 978-5-7996-4024-8.

страны к технологическому суверенитету в последующие десятилетия вплоть до распада СССР. Отдельное внимание авторами рецензируемой монографии уделяется дилемме, стоявшей перед страной в указанный исторический период, – одновременного решения трёх трудносовместимых задач: упрочения геополитических и стратегических позиций путём наращивания военной мощи, ускорения темпов экономического роста за счёт опережающего наращивания основных производственных фондов, создания социалистического аналога «общества потребления». Продолжая историографическую дискуссию, авторы делают вывод о том, что Хрущёв оставался продолжателем прежних стратегий. В принципиальном отношении его инициативы ничем не угрожали феномену советской модели индустриальной модернизации, а реформы вылились в череду ситуативных административных перестроек. Книга адресуется специалистам по советской экономической истории, истории научно-технической политики.

Ключевые слова: реформы Хрущёва, технико-экономическая независимость, ускорение экономики, благосостояние, организация науки, научно-техническая политика

ZIGZAGS ON THE WAY TO TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY. REVIEW OF THE BOOK “THE FAILED ACCELERATION: THE ECONOMIC STRATEGY OF THE ‘KHRUSHCHEV DECADE’” BY E. T. ARTEMOV AND E. G. VODICHEV

Evgeniya A. Dolgova¹

Denis S. Sekirinskiy²

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

² Independent Researcher, Moscow, Russia

For citation: Dolgova E. A., Sekirinskiy D. S. Zigzags on the way to technological sovereignty. Review of the book “The Failed Acceleration: The Economic Strategy of the ‘Khrushchev Decade’” by E. T. Artemov and E. G. Vodichev. *Science Management: Theory and Practice*. 2026;8(1):244–253. (In Russ.). DOI 10.19181/sntp.2026.8.1.14.

Abstract. This review focuses on E. T. Artemov and E. G. Vodichev’s book, “The Failed Acceleration: The Economic Strategy of the ‘Khrushchev Decade’” published in 2025. The reviewers note the maximum possible data coverage within a single monograph. This allows the authors to offer a comprehensive study of reform trajectories influencing structural economic processes and systemic generalizations in their research contribution to solving the problem of how, after the “miraculous” post-war economic recovery, to explain the decline in economic growth rates at the turn of the 1950s and 1960s. The description of the economic changes of the “Khrushchev decade” is organically embedded in the historical context, allowing one not only to evaluate the effectiveness of the “spurt” of economic acceleration in an extremely compressed timeframe but also to assess their impact on the country’s movement toward technological sovereignty in the following decades, up until the collapse of the USSR. The authors of the reviewed book pay special attention to the historical dilemma facing the Soviet state during this period – the simultaneous pursuit of three incompatible objectives: strengthening geopolitical and strategic positions through the expansion of military might, accelerating

economic growth through the forward-looking accumulation of fixed assets, and creating a socialist analogue of the “consumer society”. Entering into the historiographical discussion, the authors conclude that Khrushchev continued previous Stalinist strategies. Fundamentally, his initiatives posed no threat to the Soviet model of industrial modernization, and the reforms resulted in a series of ad hoc administrative restructurings. The book is intended for specialists in Soviet economic history and science and technology policy.

Keywords: Khrushchev’s reforms, technological and economic sovereignty, acceleration of the economy, welfare, organization of science, science and technology policy

Осенью 2025 г. вышла книга известных специалистов по истории советского научно-технического комплекса Е. Т. Артёмова и Е. Г. Водичева, посвящённая противоречивому периоду отечественной истории – десятилетию реформ Н. С. Хрущёва [1]. Книга вызвала значительный интерес научного сообщества не только в силу специфики периода, оценки которого отличаются полярностью – от «золотого времени», «пика потенциала советской системы» [2; 3] до «незамеченной страницы советской экономической истории» [4; обобщено – 5], но и по причине постановки задачи – оценки эффективности «рывка» к технико-экономической независимости в предельно сжатые исторические сроки.

Следует оговориться, что книга не содержит описания политических событий, конкуренции властных групп, социальных и культурных изменений жизни советского общества в годы хрущёвской оттепели. В центре – траектории реформ, оказывающие влияние на структурные экономические процессы, их оценка с точки зрения соответствия поставленным целям, поиск ответа на вопрос – как после удивительного послевоенного подъёма экономики объяснить затухание темпов экономического роста на рубеже 1950–1960-х гг. Период исследуется в динамике с учётом сложившегося в историографии представления о разделении хрущёвской эпохи на два подпериода: время т. н. коллективного руководства и годы безусловного лидерства Н. С. Хрущёва. Глава 1 («Неотложные меры») посвящена сталинскому экономическому наследию и новым вызовам конца 1940-х – начала 1950-х гг., связанным с необходимостью перехода к постиндустриальной модели развития, глава 2 («Коммунистическая перспектива») – выбору путей, способов и механизмов достижения поставленных политическим руководством целей; глава 3 («Разочаровывающие итоги») – объяснению сути реформирования, его зигзагам и противоречиям, оказавшим влияние, согласно выводам авторов, на крах намерения добиться ускорения в экономическом развитии. Ответственность за неуспешность мер экономической политики возложили на Н. С. Хрущёва. Ему инкриминировали «крупные ошибки» в осуществлении «генеральной линии партии» и отстранили его от руководства. Е. А. Артёмов и Е. Г. Водичев уходят не только от персонализма (и соответственно, вариативности), но и от излишней политизации в объяснении причин, почему удачно начавшееся хрущёвское десятилетие с точки зрения экономики завершилось таким провалом. В центре исследования – «выявление роли идеологических, институциональных, структурно-производственных, военностратегических и личностных факторов при выборе путей, способов и механизмов достижения её целей» [1, с. 2], т. е. попытка комплексного и системного исследования.

Исследуемый период с точки зрения историка действительно противоречив. С одной стороны, к концу хрущёвской эпохи Советский Союз прочно утвердился в качестве одного из мировых научно-технических лидеров, что соответствовало глобальной тенденции увеличения наукоёмкости экономики. Его учёные заняли передовые позиции в ряде разделов математики и механики, теоретической и экспериментальной физики, неорганической, органической и аналитической химии, наук о Земле [1, с. 249]. Меры научно-технической политики были направлены на стремительное наращивание усилий по производству научно-технических знаний и количественных параметров научного потенциала: численности научных сотрудников, финансирования исследований – доли расходов на НИОКР в ВВП страны до 2,3% (самого высокого на тот момент показателя в мире²). Эти черты закрепили оценку периода как «золотого двадцатилетия» советской науки [3]. С другой стороны, ближе к концу 1950-х гг. обозначилась проблема снижения отдачи от вложений в развитие исследований и разработок [1, с. 234]. Однако, с точки зрения экономистов, противоречия здесь нет: в 2025 г. (синхронно с изданием книги) премию Государственного банка Швеции по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля получили исследователи Джоэль Мокир, Филипп Агьон и Питер Ховитт. Первый на исторических данных изучил связи технологического прогресса и устойчивого экономического роста, двое других авторов выстроили матмодель финансирования потока научных открытий как базы для такого роста. Из наблюдений экономистов следует, что прогресс – результат равновесия между достаточностью стимулирования и избыточностью таких вложений, которые могут спровоцировать сопротивление инновациям со стороны традиционных рынков. Книга Е. А. Артёмова и Е. Г. Водичева подтверждает сделанные выводы, показывая, как в одной точке могут столкнуться сразу несколько конкурирующих векторов («воль») к прогрессу, а понятие «рост» не тождественно «развитию». Неинституциональный подход, разделяемый авторами в версии Д. Норта, сопряжён с оценкой релевантности формальных и неформальных экономических институтов и властных практик вызовам времени.

В основе неразрешимого конфликта хрущёвского десятилетия, по суждению Е. Т. Артёмова и Е. Г. Водичева, лежал конфликт между стратегией социально-экономического развития и реальными возможностями экономики [1, с. 173] *одновременного* решения трёх трудносовместимых задач тех лет: упрочения геополитических и стратегических позиций путём наращивания военной мощи, ускорения темпов экономического роста за счёт опережающего наращивания основных производственных фондов, создания социалистического аналога «общества потребления». Если первая задача была унаследована ещё от предыдущего периода, то вторая и третья связывались с вызовами времени и совпали с процессами повышения общественного благосостояния (улучшение параметров материальной жизни и идее заботы государства) и формирования системной связи между наукой, технологией, производством и потреблением.

² В реальности был ещё выше, учитывая «оборонную» составляющую – финансирование исследований т. н. «двойного назначения», затраты на решение «специальных задач». Уровень милитаризации советской науки трудно оценить в количественном измерении, для проведения детальных расчётов отсутствуют необходимые статистические данные. Положение усугубляет неотработанность методики их анализа.

В результате возникла острая конкуренция за ограниченные ресурсы. Авторы справедливо рассматривают развитие государства в конкретный период холодной войны в оптике «гонки» с экономикой Соединенных Штатов «и по масштабам, и по эффективности» [1, с. 5], обуславливавшей реализацию поставленных задач в предельно сжатые исторические сроки, определивших стратегию «ускорения», форсированного развития экономики.

В связи с «гонкой» явное преимущество в экономике традиционно имел оборонно-промышленный комплекс: внимание к милитаризации экономики, «перетоку» идей, кадров и разработок из военного в гражданский секторы науки выгодно отличает книгу. Е. Т. Артёмов и Е. Г. Водичев отмечают, что в годы хрущёвских реформ «с точки зрения баланса оборонного и гражданского секторов народное хозяйство СССР по-прежнему сохраняло черты экономики воюющей страны» [1, с. 174–175]. Однако отличия были: единовременное решение указанных выше исторических задач осуществлялось за счёт ограничения расходов на наращивание военной мощи. Потребовалось значительное высвобождение средств, в связи с этим стремление к экономии характеризовало уже первые решения послесталинского «коллективного руководства». Была приостановлена реализация ряда затратных инвестиционных проектов, обещавших отдачу в неопределённом будущем, была дана установка на «прекращение или ликвидацию ряда крупных объектов строительства», определённых “ранее принятыми постановлениями правительства”, но не вызванных “неотложными нуждами народного хозяйства”. В их числе назывались гидротехнические сооружения (Главный Туркменский канал, самотечный канал Волга – Урал, Волго-Балтийский водный путь и др.), железнодорожные и автомобильные магистрали преимущественно военно-стратегического назначения (железные дороги Чум – Салехард – Игарка, Комсомольск – Победино, тоннельный переход на Сахалин под Татарским проливом и т. д.), отдельные промышленные предприятия» [1, с. 54–55]. Как отмечают авторы, «[т]огда же сократили поставку армии обычных видов вооружений [1, с. 19]. Однако снижение оборонных расходов на экономику не носило решительного характера. Строились объекты (Ангарский электролизный химический комбинат, Уральский электрохимический комбинат, Красноярский (Зеленогорский) электрохимический завод, Сибирский химический комбинат, НИИ-1011), продолжалось наращивание стратегических ракетно-ядерных сил. На сохранение «милитаризованного» ядра экономики оказывало влияние изменение характера войны: «применение... различных средств массового поражения, таких как атомное, термоядерное, химическое и бактериологическое оружие» [цит. по: 1, с. 184]. Кроме того, расходы на наращивание военно-промышленной мощи решительно отстаивала многочисленная авторитетная часть правящей элиты – военные, хозяйственники, учёные. Это привело к тому, что за недостатком средств в десятилетие реформ пришлось отложить выполнение ряда инвестиционных проектов. Как пишут авторы, оказались сорваны проектировки «сдвига» производства в восточные районы страны, произошло исключение из их списка Урала как «старопромышленного района», пришлось скорректировать в сторону уменьшения объёма строительства жилья, объектов культурно бытового назначения, здравоохранения [1, с. 188].

Для поддержания хотя бы достигнутых темпов роста требовалось существенное расширение использования труда, капитала, сырьевых ресурсов. Из сложившейся ситуации был только один выход – повышение роли интенсивных факторов развития экономики, прежде всего за счёт ускорения научно-технического прогресса [1, с. 197]. Однако в целом и здесь экономический курс отличался преемственностью. Главными приоритетами, «визитными карточками» хрущёвской эпохи назывались химизация и электрификация народного хозяйства, механизация и автоматизация производственных процессов, широкое использование ядерных технологий в мирных целях [1, с. 281]. Но, по большому счёту, здесь не было ничего оригинального: установка на поддержку фундамента (в первую очередь физико-математического, химического и биологического комплексов) отличала и предшествующий политический курс. Новым стало ускорение научно-технического прогресса: за счёт «лучшего» использования производственных мощностей и освоения «новейших достижений науки и техники» планировалось расширить масштабы комплексной механизации и автоматизации производственных процессов, использования передовых технологий и на этой основе значительно поднять производительность труда. Суть декларируемых изменений сводилась к укреплению связи науки с производством, автоматизации управления техническими системами, внедрению ЭВМ в управление производством, использованию новых источников энергии, строительных материалов, развитию «большой химии», применению энерго- и ресурсосберегающих технологий и т. д. Особое внимание уделялось опережающему развитию таких отраслей, как радиотехническая промышленность, электроника, электроэнергетика и т. д. Наука в условиях бурного экстенсивного роста всё больше и больше конкурировала за ресурсы с прочими отраслями экономики, настаивая на своей особой социальной роли и значимости как ведущего фактора экономического развития³ [1, с. 249].

Сравнивая развитие СССР и зарубежных стран, авторы отмечают, что если за рубежом происходил массовый трансфер научно-технических достижений из «оборонки» в гражданскую экономику, в т. ч. в её отрасли, работавшие на потребительский рынок, то в СССР этому препятствовали герметичность секторов советской системы, устойчивость барьеров между приоритетным оборонным сектором производства и другими отраслями, развитие которых, как уже отмечалось, фактически осуществлялось по остаточному принципу. И если с областью фундаментальных исследований дело обстояло неплохо (в стране имелись научные школы мирового уровня), то с разработкой технологий, их внедрением в производственные процессы, созданием новой техники, по суждению авторов, положение было гораздо хуже. В конце хрущёвского периода обозначилась проблема снижения отдачи от вложений в развитие исследований и разработок [1, с. 234].

Поскольку внутренние источники технического прогресса не могли обеспечить желаемый «индустриальный рывок», выход из сложившегося положения

³ Благодаря космосу, многообещающим работам по проблемам атомной энергии, физических основ электроники, перспективным результатам в области химической физики, материаловедения и т. д. в официальной идеологии исследовательская деятельность была мифологизирована и представлена в качестве ключевого драйвера прогресса [1, с. 136].

нашли в массивированном импорте зарубежных технологий и технических решений, во внимании к изучению зарубежного научно-технического опыта. Именно это сформировало двойственность и противоречивость курса уже внешней политики, в которой боролись две тенденции – соперничество (холодная война) и сотрудничество (технологический обмен) со странами Запада [1, с. 176]. Однако, поощряя международный трансфер, важно было увидеть ту тонкую грань, за которой следует утрата технологического суверенитета. Во-первых, и технологии, и оборудование необходимо было адаптировать к конкретным условиям новой локализации. Во-вторых, нужно было прилагать существенные интеллектуальные и иные усилия для их поддержания в рабочем состоянии. В-третьих, важную роль в повышении производительности играли совершенствование используемых технологий и постоянная доработка конструкторских решений. С этими проблемами можно было справиться, лишь располагая собственной базой технико-технологического сопровождения производства [1, с. 75]. Однако в увлечённости «новой техникой» Хрущёв (и не только он) не чувствовал опасности. В долгосрочном плане это вело к усилению зависимости от зарубежных источников научно-технического прогресса со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для экономики и национальной безопасности страны [1, с. 257–258].

Решение третьей задачи, по мнению Е. Т. Артёмова и Е. Г. Водичева, также носило во многом непоследовательный характер. Рост качества жизни в целом соответствовал мировым тенденциям, когда критериями успешности экономического развития в первую очередь становились повышение уровня жизни населения, насыщение рынка потребительскими товарами в соответствии с индивидуальными предпочтениями человека. СССР в этом ряду не был исключением, хотя процессы начались задолго до реформ Хрущёва. Быстрое послевоенное восстановление экономики трудно отрицать, – его темпы были сопоставимы с тем, что наблюдалось в Западной Германии и Японии, развитие которых в те годы квалифицируется как экономическое чудо [1, с. 30]. Подъём благосостояния не удался в конце 1940-х гг. в связи с колоссальным ростом военных расходов с началом холодной войны. Однако в годы реформ Хрущёва забота о благосостоянии приобрела черты популизма. Ставка нового руководителя государства была сделана на усилия по насыщению потребительского рынка товарами, развитие сферы услуг, социальной инфраструктуры, повышение доходов трудящихся [1, с. 150]. Эти меры сформировали советский аналог общества потребления – причудливое сочетание советского коммунистического эгалитаризма с западным консюмеризмом. «Советская модель благосостояния» включила в себя такие элементы, как удовлетворение первичных потребностей в товарах и услугах при их невысоком уровне, уверенность в социальной защищённости, относительно низкая дифференциация – например, сокращение дистанции в должностных окладах между специалистами низших и высших категорий [1, с. 261]. Однако, как отмечают авторы, в реальной жизни, вопреки провозглашённому политическому курсу, наблюдалось растущее теневое социально-экономическое неравенство, что явно продемонстрировали события 1962 г. в Новочеркасске, подведшие черту под социальной политикой Хрущёва.

Наконец, в чём же состояла суть проводившихся Хрущёвым реформ, оцениваемых историками как «радикальные»? Стремление добиться ускорения в экономическом развитии побудило Хрущёва и его окружение к ревизии отдельных положений сложившейся модели организации производства [1, с. 110]. В книге оценивается релевантность принимавшихся мер назревшим задачам и последовательно обосновывается вывод, что на практике они либо проводились по «лекалам прошлого» [6], либо сводились к перманентной перестройке структуры управления производством, разбалансировавшей экономику. В первом случае: «...хрущёвская третья программа (партии. – Е. Д., Д. С.) содержала многочисленные заимствования из её более ранней сталинской версии» [1, с. 113], Генеральный хозяйственный план, предложенный в предвоенный период, предусматривавший органичное сочетание годовых, пятилетних и перспективных планов, лёг в основу реформы Хрущёва, разделившей текущее и перспективное планирование. Во втором случае, «совершенствование» организации и структуры управления на практике сводилось к призывам «улучшить работу» управленческого аппарата, «повысить требовательность» в отношении руководителей всех рангов, возложить «ответственность» на «министров, директоров предприятий, научных, конструкторских и проектных организаций» и т. д. Задача совершенствования территориальной структуры научного потенциала – движение на восток и его насыщение квалифицированными кадрами, экспериментальной базой, оборудованием лабораторий – экономно урезалась в пользу мер социальной политики, экспериментов с сельским хозяйством и др. Самая известная же совнархозовская реформа «запустила процесс трансформации командной экономики в “экономику согласования и бюрократического торга”...» [1, с. 174] со свойственными ей затухающими темпами экономического роста. По оценке авторов, «реформа, призванная решить проблему, верная по сути, в части необходимости децентрализации управления народно-хозяйственным комплексом оказалась поверхностной, верхушечной. Это позволяет предположить, что в её основе лежали не столько экономические, сколько политические мотивы» [1, с. 173]. По сути, реформы Хрущёва оцениваются как «по преимуществу спонтанные, зачастую непродуманные действия, направленные на “совершенствование”» [1, с. 204], в том числе фундаментальных оснований сталинской экономической системы. Однако ослабление властной вертикали, рассредоточение власти обернулось снижением управляемости экономики [1, с. 205], а вместо повышения эффективности производства произошло нарастание энтропии. Внутренняя неупорядоченность её элементов оказалась шире и глубже, чем накануне реформ [1, с. 231]. Подчеркнём, что авторы не утверждают преимущество сталинской экономической системы по сравнению с хрущёвской, но отходят от упрощённых представлений о механизмах управления командной экономикой как выстроенной строго по вертикали одномерной системой. Вопрос заключается в том, что в условиях расширения советского научно-технического комплекса и новых вызовов времени модель последней уже не была эффективной, назревший же процесс реформирования требовал не организационных, а экономических изменений – преобразования хозяйственного механизма, решения накопившихся проблем, связанных с неработающими процессами внедрения

инноваций и трансфера технологий, отсутствием материальной заинтересованности субъектов хозяйствования в результатах своей деятельности, низким уровнем администрирования. В этом плане Хрущёв оставался продолжателем прежних стратегий. В принципиальном отношении его инициативы ничем не угрожали феномену советской модели индустриальной модернизации, а реформы вылились в череду ситуативных административных перестроек [1, с. 183]. Идеологическая и политическая ангажированность продолжала доминировать над экономической обоснованностью и целесообразностью вплоть до конца советской эпохи.

Предложенная читателю книга хотя и отличается однозначностью исследовательских оценок, является важным научным текстом – выразительным, концептуальным, стимулирующим (или, скорее, продолжающим) научную дискуссию. Предложенный системный взгляд на «хрущёвское реформирование» разворачивается в широкие контексты тесной связи экономических отношений и конфигурации власти и, напротив, расхождения идеологем и практической политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Артёмов Е. Т., Водичев Е. Г. Несостоявшееся ускорение: экономическая стратегия «хрущёвского десятилетия» / Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Научный совет РАН по экономической истории. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2025. 288 с. ISBN 978-5-7996-4024-8. EDN DISTTY.
2. Шестаков В. А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов / Ин-т российской истории РАН. М. : Наука, 2006. 296 с. ISBN 5-02-010277-6. EDN QQXMWF.
3. «Золотое двадцатилетие» советской науки: СССР и международный трансфер технологий в 1950–1960 е гг. / отв. ред. Н. Ф. Тагирова, Е. А. Соленцова. Самара : Малянов Семен Константинович, 2022. 264 с. ISBN 978-5-6047621-5-8. EDN VOZRZF.
4. Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время : в 2 т. Новосибирск : Новосиб. гос. техн. ун-т, 2008. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. 516 с. ISBN 978-5-7782-0903-9.
5. Artemov E., Vodichev E. The economic policies of the Khrushchev decade: Historiography // Quaestio Rossica. 2020. Vol. 8, № 5. P. 1822–1839. DOI 10.15826/QR.2020.5.562.
6. Артёмов Е. Т., Водичев Е. Г. По сталинским лекалам: экономическая стратегия коммунистического строительства в программных установках хрущёвского руководства // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 4–2. С. 324–347. DOI 10.17212/2075-0862-2021-13.4.2-324-347. EDN ETTDAR.

REFERENCES

1. Artemov E. T., Vodichev E. G. The failed acceleration: The economic strategy of the “Khrushchev decade” [Nesostoyavsheesya uskorenie: ekonomicheskaya strategiya «hrushchevskogo desyatiletija»] / Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the RAS, Scientific Council of the RAS for Economic History. Ekaterinburg : Ural State University Publ.; 2025. 288 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7996-4024-8.
2. Shestakov V. A. Socio-economic policy of the Soviet state in the 50s – mid-60s [Sotsial’no-ekonomicheskaya politika sovetskogo gosudarstva v 50-e – seredine 60-kh

godov] / Institute of Russian History of the RAS. Moscow : Nauka; 2006. 296 p. (In Russ.). ISBN 5-02-010277-6.

3. Tagirova N. F., Solentsova E. A., eds. The “golden twenty-year period” of Soviet science: The USSR and international technology transfer in the 1950s and 1960s [«Zolotoe dvadtsatiletie» sovetskoi nauki: SSSR i mezhdunarodnyi transfer tekhnologii v 1950–1960 e gg.]. Samara : Malyanov Semen Konstantinovich; 2022. 264 p. (In Russ.). ISBN 978-5-6047621-5-8.

4. Khanin G. I. Economic history of Russia in modern times [Ekonomicheskaya istoriya Rossii v noveishee vremya] : in 2 vols. Novosibirsk : Novosibirsk State Technical University Publ.; 2008. Vol. 1: Economy of the USSR in the late 30s – 1987 [Ekonomika SSSR v kontse 30-kh godov – 1987 god]. 516 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7782-0903-9.

5. Artemov E. T., Vodichev E. G. The economic policies of the Khrushchev decade: Historiography. *Quaestio Rossica*. 2020;8(5):1822–1839. DOI 10.15826/QR.2020.5.562.

6. Artemov E. T., Vodichev E. G. According to Stalinist templates: The economic strategy of communist construction in the program settings of the Khrushchev leadership. *Ideas and Ideals*. 2021;13(4–2):324–347. (In Russ.). DOI 10.17212/2075-0862-2021-13.4.2-324-347.

Поступила в редакцию / Received 12.02.2026.

Принята к публикации / Accepted 06.03.2026.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Долгова Евгения Андреевна *medievalis@list.ru*

Доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
SPIN-код: 3352-8277

Секиринский Денис Сергеевич *densek@mail.ru*

Кандидат исторических наук, неаффилированный исследователь, Москва, Россия
SPIN-код: 6944-2574

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeniya A. Dolgova *medievalis@list.ru*

Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3902-7142
Scopus Author ID: 57195965998
Web of Science ResearcherID: E-7791-2017

Denis S. Sekirinskiy *densek@mail.ru*

Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher, Moscow, Russia